

отдельности, значимо само по себе. В целостном же литературном контексте в результате такого содержательного взаимодействия происходит идейно-эстетическое обновление общеизвестных констант, возникает дополнительное смысловое напряжение. После определенного периода функционирования сюжет приобретает стабильные формально-содержательные характеристики, которые определяют специфику его читательского восприятия и намечают границы **возможной** интерпретации в данный культурно-исторический период.

Общеизвестная структура в определенном смысле утрачивает способность к дальнейшему событийному и проблемно-тематическому развитию и становится литературным штампом. Однако в какой-то момент функционирования традиционного сюжета появляется оригинальная интерпретация, которая делает невозможным использование ставших банальными сюжетных коллизий и мотивировок как бы “опрокидывает” устоявшиеся представления о данном материале. Качественное переосмысление устоявшихся логико-психологических мотивировок приводит к тому, что общеизвестное и привычное воспринимается как неожиданное и оригинальное.

Множественность смыслов традиционных сюжетов в сочетании с относительной стабильностью ведущих событийных и семантических доминант объясняет их способность вступать в процессе литературного функционирования в сложные структурно-содержательные отношения, переплетаться, взаимопроникать и дополнять друг друга. Различные литературные варианты традиционного сюжетно-образного материала убедительно подтверждают содержательную эффективность использования духовного наследия прошлого для отражения актуальных проблем современности, демонстрируют неисчерпаемые идейно-семантические возможности возникших в глубине веков сюжетов и образов.

Список использованной литературы

1. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М.: Худож. лит., 1986. – 543 с.
2. Брехт Б. Обработки. – М.: Искусство, 1967. – 512 с.
3. Бердяев Н.А. Русская идея. – Харьков: Фолио; М.: ООО “Издательство “АСТ”, 2000. – 400 с.
4. Нямцу А.Е. Идеи и образы Нового Завета в мировой литературе. Часть I. – Черновцы: Рута, 1999. – 328 с.
5. Нямцу А.Е. Поэтика традиционных сюжетов. – Черновцы: Рута, 1999. – 176 с.
6. Нямцу А.Е. Легендарные образы в литературе. – Черновцы: Рута, 2002. – 175 с.
7. Нямцу А.Е. Миф. Легенда. Литература (теоретические аспекты функционирования). – Черновцы: Рута, 2007. – 520 с.
8. Нямцу А.Е. Русская фаустиана: учебное пособие. – Черновцы: Рута, 2009. – 288 с.
9. Нямцу А.Е. Русская литература в контексте мировых традиций: учебное пособие. – Черновцы: Черновицкий нац. ун-т, 2009. – 424 с.

Summary. Theoretical aspects of the mythological and legendary tradition functioning in the world literature are analysed. The forms and manners modernisation of traditional structures, integral and differential characteristics of the image, and motive material are taken into consideration.

Key words: archetype, myth, traditional character.

УДК 821.161.1.09

И.В.Остапенко

ДУХОВНЫЕ ИСТОКИ КАРТИНЫ МИРА Б.ЧИЧИБАБИНА

У статті проаналізовано духовні витoki лірики Б.Чичибабіна, вплив різних філософських та релігійних систем на формування картини світу поета.

Ключові слова: картина світу, образ Бога, мотив, філософські погляди, релігійні вірування.

Основные темы творчества Б.Чичибабина проникнуты, прежде всего, онтологическим смыслом. У поэта было свое откровение, которое он запечатлел в художественных текстах как опыт трансцендентного диалога. Мирозидение поэта представляет собой гениальную интуицию постижения судьбы человека и мировой судьбы. Это интуиция художественная, но и не только – это также идейная, познавательная, философская интуиция. Свое творчество он воспринимал как особое знание, науку о Духе. Чичибабин-поэт обогатил свое сознание наследием многих культур, он обладал глубокими познаниями в различных областях искусства, литературы, истории, что дало ему возможность выстроить свою собственную жизненную и художественную

философию, хоть и не претендующую на отдельное место в ряду известных философских систем, но, тем не менее, представляющую определенный интерес для читателей. В поэтическом творчестве Чичибабина воплощена индивидуальная, совершенно особая, модель восприятия Бога, проявляющаяся, по его мнению, последовательно во всех формах бытия. Любую идею, любую сферу деятельности, любую проблему в жизни Чичибабин воспринимает через призму этой своей модели.

По мнению З.Миркиной, жизненный путь Чичибабина – “это живой религиозный опыт”. Но религиозность поэта была особой, его отношение к вере не совпадало с понятием религиозности в смысле следования церковным христианским догмам. По мнению Л. Аннинского, “религиозность это – глубже, универсальнее и выше церковности” [1, 3]. Другими словами, в душе человека должно присутствовать что-то самое важное, сокровенное, в соответствии с чем он выстраивает свои отношения с миром. Для верующего человека – это Бог. Для Чичибабина – не важно, считает себя человек верующим или неверующим, но у него должен быть высокий гуманистический идеал. “Неверующий вместо слова “Бог” сказал бы: совесть, или любовь, или “Мое представление о добре, о справедливости, об истине”, – суть бы от этого не изменилась” [5, 111].

З.Миркина, рассуждая о религиозности, писала: “Человек становится религиозным не тогда, когда усваивает те или иные убеждения, а когда в груди его жжется святыня. Когда он чувствует, что может и жить, и умереть с равным блаженством, не для себя, а для нее, во имя ее – святыни своей. Иметь святыню, благоговеть перед ней богомольно и ничего не хотеть от этой святыни – кроме одного, чтобы она была. Вот что такое религиозная душа” [2, 75]. С такой точки зрения Чичибабин был, безусловно, религиозным человеком. Он всегда чувствовал в себе присутствие святыни. А поскольку он был рожден на христианской земле, впитывая с рождения духовность христианского учения, рос в семье, где почитались обычаи народа, воспитывался на традициях русской классической литературы, также проникнутых духом христианства, то совершенно естественно, что у него сформировалось христианское мировидение, духовным центром которого был Бог. Но так как поэт жил в тоталитарном государстве, в котором господствовала коммунистическая идеология, христианское мировоззрение не могло в нем развиваться в чистом виде, тем более он не мог стать воцерковленным человеком. Кроме того, изначально ощущая себя свободной личностью, он не ограничивал себя рамками одной религии. Таким образом, мировидение Чичибабина имеет свои характерные особенности, и в соответствии с ними поэт создает в своей лирике образ Бога, который представляет собой не просто художественный образ, а становится своеобразным духовным центром художественного мира поэта, от которого исходит Свет, озаряющий все его творчество. Более того, следуя христианским заповедям, поэт полагал, что задача человека в земной жизни – открыть в себе образ и подобие Бога. У А.Галича есть стихотворение “Псалом”, посвященное Б.Чичибабину. В нем первая строчка звучит так: “Я вышел на поиски Бога”. Всю жизнь поэт шел этим путем, он стал для него путем спасения собственной души, а будучи запечатленным в творчестве, стал изображением пути спасения человечества.

Еще в начале 60-х Чичибабин в стихотворении “Молитва”, не называя адресата, обращается к высшему началу, в котором он видел истину и стремился идти на тот свет, который от него исходит

И отдели меня от подлых,
и дай мне горечи в любви,
и в час, назначенный на подвиг,
прощенного благослови [7, 94].

Примерно в это же время в сонете “Старик-кладовщик”(1960–1963) Чичибабин создает метафорический образ “старика-добряка”, работающего в “райскладе”. За этим именем и местом “работы” явно угадывается образ Бога, возникший в восприятии поэта. Начиная с первых же упоминаний о Боге, в стихах Чичибабин создает образ не канонического Бога христиан и не какого-либо другого вероучения. Это одновременно и личный, антропоморфичный Бог самого поэта, и Высшее, вечное воплощение истины, общее для всех на все времена. Позже Чичибабин скажет: “Мой Бог начинается не “над”, а “в”, внутри меня, в глубине моей, но в такой дальней, такой недоступно сокровенной, такой совершенно моей глубине, когда она, не переставая оставаться моей глубиной, моим невозможно-идеальным, лучшим, прекраснейшим “я”, Божьим замыслом меня, становится одновременно и такой же Вашей глубиной, и глубиной всех других людей, живущих и живших на земле, и глубиной всех животных, всех растений, божественно-всемирной глубиной” [5, 111].

У христиан Бог – вершитель судеб людей и мира, милующий и карающий. У Чичибабина в сонете Бог – “добряк”, и с “нашим злом в таинственном разладе, весь погружен в певучий полусон”. Начиная с этого, и далее в стихотворениях Чичибабина не Бог повинен в страданиях людей, а сами люди их себе создают и ими же мучаются. Люди в своей слепоте взывают: “Господи,

вмешайся! Да будет мир избавлен и прощен” [6, 104]. Но Бог не вмешивается, люди должны нести ответственность за содеянное ими, и на это тоже воля Божья. “Старичок” сам страдает за людей, но не избавляет их от страданий. “Да разве я тюремщик? Мне всех вас жаль. Да я-то тут при чем?” Люди сами создали себе такую жизнь – “в одышке, в оспе, в мещанстве”, и только признание ими вины и покаяние за содеянное, по мнению поэта, может избавить от мучений. Эта мысль лейтмотивом проходит через все творчество Чичибабина: «Мук не принявший, вовек не спасется!»

Впервые упоминание имени Бога у Чичибабина появляется в стихотворении “Меня одолевает острое и давящее чувство осени” (1965). Поэт, постоянно сталкивающийся с противоречиями мира людей, уходит во “внутреннюю эмиграцию” и начинает искать ответы на вечные вопросы в глубине своей собственной души, а именно там и таится искра, зажженная в человеке Богом. Таким образом, он интуитивно приближается к православным канонам, согласно которым за человеком признается личная духовная свобода, дарованная искуплением, и личная духовная связь с Творцом. И поэт совершенно естественно произносит: “Все тише, все обыкновеннее я разговариваю с Богом” [6, 90]. Начиная с этого стихотворения, вся поэзия писателя – это сокровенный и откровенный диалог с Богом. Отношения поэта с Богом складывались трудно, не единожды еще будет тот приходить в отчаяние и уныние, но никогда не отступится от Него, и строиться эти отношения будут на основании свободного выбора человека, воспринимающего Бога не как жестокого карающего владыку, а как Отца, ведущего своего ребенка по жизненному пути: “...знает только Отец, сколько я отвечал не по теме, // сколько раз, малодушный, с уроков на волю тикал” [6, 409].

Пик отчаяния, охватившего поэта, переживающего тяжелые жизненные испытания, отражен в стихотворении “Сними с меня усталость, мать Смерть...” Его принято считать отражением “личного кризиса” поэта [4, 37]. Б. Чичибабин назвал тогдашнее свое состояние “кризисом моих гражданственных и политических интересов и вер” [8, 193]. Это, как представляется, действительно, был кризис “гражданственных и политических” интересов, а не кардинальный перелом в мировоззрении. Духовная же основа личности поэта не была сломлена, изменился не его внутренний мир, а его отношение к внешнему миру, не соответствующему высшим нравственным идеалам, которыми руководствовался поэт.

Как уже отмечалось, Чичибабин изначально был религиозным человеком, но наряду с этим он с детства впитал в себя и идеалы Октябрьской революции, отвергавшей религию. Как же совмещались в нем эти, казалось бы, совершенно противоположные понятия? Общеизвестно, что коммунистические и христианские идеалы очень близки, но коммунистическая идея, воплощавшаяся в тоталитарном государстве, изначально была обречена на провал. Высокие идеалы внедрялись в сознание людей с помощью лжи и насилия, и поэтому не могли вынести испытания временем. Они были созданы искусственно, без «Главного», как скажет потом Чичибабин, без любви, без Бога. Но не сразу пришел поэт к этому пониманию. З. Миркина писала: “Человек цельного сердца и огромной потребности в вере, Борис в юности был очарован коммунистической идеей, как до него – Маяковский, Платонов. Пелена с глаз его спала поздно. Но все-таки спала” [3, 191].

В свое время для Чичибабина и Ленин, и коммунизм были такими же святынями, как любовь, Бог. Даже находясь в лагере, он читал со сцены стихи Маяковского о советском паспорте, руководствуясь искренним чувством гордости человека – гражданина Советского государства. Это чувство, эта вера долго не покидали поэта: и после лагеря, когда он писал стихи и о Ленине, и о коммунизме, веря в светлое коммунистическое будущее, и позднее, когда Чичибабин стыдился своих первых книг. Это была его вера, истинная, чистая, и не его вина, что идеалы оказались ложными, что “за вывеской рая оказался ад. “Правда” оказалась сплошной ложью” [3, 193]. Стыдился он не своих стихов, а того, что они до неузнаваемости искажены цензурой, диктату которой он не мог не подчиниться. В сборник “Мои шестидесятые” в 1990 году Чичибабин включил и эти, кажущиеся кощунственными в наше время, произведения. Он не отказывается от своих взглядов, а дает читателю возможность проследить их эволюцию.

Особого внимания в стихотворении “Сними с меня усталость, мать Смерть...” требует адресат текста. На первый взгляд, кажется противоестественным обращение за помощью к смерти, а не к Богу, с которым поэт уже мог “тихо и обыкновенно” разговаривать. Верующим людям известно, что человек, впавший в отчаяние, во-первых, совершает грех, а, во-вторых, он настолько отягощен грехом, что не всегда способен обратиться за помощью к Богу, не смеет этого сделать. В другом стихотворении, “И вижу зло, и слышу плач...” (1968), поэт объясняет свое состояние так:

Я причинял беду и боль,
и от меня отпрянул Бог
и раздавил меня, как моль,
чтоб я взывать к нему не мог [6, 120].

Обращение к Смерти свидетельствует о тяжелой внутренней драме, переживаемой поэтом. С художественной точки зрения образ матери Смерти интересен тем, что напоминает персонаж тибетской мифологии, о чем, конечно, сам автор в то время не знал. Об этом Чичибабин поведал в интервью, рассуждая о таинстве написания стихотворений. Нужно отметить, что использование поэтом образов различных мифологий, религий, философий является важной особенностью его поэтики.

Стихотворение “Сними с меня усталость, мать Смерть...” – одно из самых значимых в лирике поэта. И в первую очередь, потому, что оно, при всей своей трагичности, свидетельствует о духовном перерождении и воскресении поэта. З. Миркина услышала в обращении поэта к Смерти возглас распятого Христа: “Зачем ты оставил меня?” [5, 195]. И далее в своих воспоминаниях она пишет: “Он взмолился о смерти, принял ее и прошел через нее. И узнал, что такое воскресение души. Умерло смертное, бессмертное осталось” [5, 195]. А бессмертное – это присутствие Бога в человеке, Его искра, данная человеку для того, чтобы тот осознал свою цель в жизни и шел к ней, невзирая ни на какие преграды.

С этих пор поэт осознанно обращается к Богу, в нем находит помощь и поддержку, ответы на вопросы, которые ставит перед ним жизнь. В одном из первых стихотворений, наполненных оптимизмом и жадной жизнью, – “Я груз небытия вкусил своим горбом” – поэт говорит о возвращении к жизни “обыденным добром – деревьями земли и облаками неба” [6, 128]. За этими метафорами – глубокое осознание смысла жизни. Поэт, обретший веру, и в “обыденной” жизни находит радость и спасение души.

Поэт принимает “венки” от Вечности, и ведет его по жизненному пути “Дух”. Такой путь был избран Чичибабиным вполне осознанно. По его словам, “счастье начинается с внутреннего, со свободы перед Богом” [4, 53]. По определению Л.Г.Фризмана, “вся поэзия Чичибабина – это призыв верить себя Богу, не утрачивая при том и свободы перед Богом. Это сочетание, может быть, противоречивое, но для него глубоко органичное” [4, 54]. Отсюда способность поэта не только верить себя Богу, следовать его воле, но и высказывать свое мнение по этому поводу.

Близки по смыслу стихотворения “Я почувал беду...” и “Куда мы? Кем ведомы?”, написанные в 1978 году. Оба они представляют собой медитации, наполненные размышлениями о смысле жизни, о месте человека в жизни, о его духовных ориентирах. Люди сами виновны в своих бедах, они не слышат голос Бога: “Слова – мы ж не дети, – словами беды не убавишь, больше тысячи лет, как не Бог нам диктует слова” [6, 296]. Человек обязан сам исправить свои ошибки, сам найти путь к Богу.

Поэт видит спасение и в земной жизни, и оно совсем рядом – “спасибо животным, деревья, цветам и колосьям, и смиренному Баху, чтобы нам через тернии за ним”, и в “прощеньи врагам”. Человек должен очистить свою душу, чтобы она открылась навстречу Богу. В то же время перед поэтом встают непростые вопросы. С одной стороны, кто-то же виноват в том, что вокруг “сплошные, брат, Содомы с Адамова греха”, кто-то же привел мир к такому состоянию. Появляется вопрос: “А может, он-то Божий, а не Адамов грех?”. У поэта есть ответ на эту инвективу. Бог наделил человека свободной волей, и только в этом его “грех”. Но таковым был замысел. Теперь от человека зависит, как воспользоваться свободой, иначе он не сможет стать “подобием Божьим”. Без внутренней свободы человек не достоин этого, теряется весь смысл Божьих замыслов. Поэт называет Бога “беспомощным, хоть и всемогущим”, и в этой беспомощности его величие. Он дал человеку наивысший дар, вложил в него свою искру, частичку своего Света, человек должен оправдать доверие Бога. Поэт признает его величие – “досыта мне горя досталось на веку, но, с Господом не споря, полвека повлеку”. Все дело в выборе человека. Он в нем совершенно свободен: может превратить свою жизнь своими же делами в сплошные страдания, ссылаясь на кару Божью, а может, приняв раскаяние, подняться до Божьих высот. Поэту открылись эти знания, и он стремится поделиться ими с людьми, но люди не хотят прислушаться. Поэт “верит только свету и горней вышине”, а “глупость верит в глобус. И ей нельзя помочь”. Каждый человек обязан выбор сделать самостоятельно. Поэт не заставляет, он даже не зовет за собой, он только делится с людьми тем, что известно ему самому.

То, что поэт не зовет за собой, принципиально важно, так как – “всякий зов обманчив”. Эта мысль уже из другого стихотворения – “Ода тополям” (1978). Оно одно из самых глубоких по своему философскому содержанию. В нем автор ставит глобальные вопросы, над которыми тысячелетиями задумывается человечество: “Что значит – жизнь и что за слово – смерть” [6, 292]. Поэт обращается за ответом к Богу. А Бог вместо готового ответа предлагает поэту самому произвести поиск, давая лишь подсказку: “...и вот Господь мне повелел воспеть летучий тополь, жертвенник Ван Гога”. В свое время на Бориса Чичибабина картина Ван Гога “Тополь” произвела неизгладимое впечатление, в результате чего и родилась эта ода. Стихотворение богато не только вопросами о смысле жизни, оно, как никакое другое, совмещает в себе символику различных религий, философий, мифологий, что свидетельствует о широте взглядов поэта, об открытости

его мировоззрения всему ценному и мудрому из любых источников. В нем стоят рядом Христос и Вишну, Нарцисс и “тот, что из Ламанчи”. Тополя в стихотворении – символ чистоты, святости, мудрости. Они противопоставляются человеку с его земными страстями, чернящими душу. Человек “молится жестоким вымыслом”, “лжив, корыстен и ретив”, он еще не избавился “от чувственной шерсти”, “шумно дышит сумраком и бездной!” А тополя – “глубь и тишь, взмывающие ввысь соборы сна, светильники с ветвями”.

В стихотворении присутствует символ сна, часто встречающийся в поэзии Чичибабина. Сон – состояние человека, приближающее его к Богу, когда он отрешен от земных дел, его духу ничто не мешает подняться в “заоблачную высь”, где и появляется возможность общения с Богом – “только во снах дано нам дорости до невозможной нежности древесной”. А сами тополя – “соборы сна”, их “многорукость прочного ствола с индийским Богом схожа”. Поэт описывает стремление человека избавиться от земных страстей, подняться к Божественным высотам, но тут же с грустью вынужден признать невозможность такого подъема.

Мы приникаем к звездам и кустам
за тем одним, чем душу б излечили,
но шерсть и кровь, приставшие к устам,
нам не изжить в земной своей личине [6, 292].

Заметим, что стихотворение написано в то время, когда в душе поэта происходила колоссальная внутренняя работа, и она еще не была завершена. Поэтому в стихотворении проскальзывают нотки безысходности. Отсюда и неполное принятие подвига “того, кто на кресте”. Поэт еще во многом сомневается. И к зову, исходящему от тополей, он относится с опаской. Ему необходимо еще разобраться, куда ведет этот зов: “вдаль” он уже ходил. Бытовая горизонталь трансформируется в аксиологическую вертикаль: “в глубину лишь”.

Поэт в стихотворении интерпретирует легенду о Нарциссе. Если в греческой мифологии Нарцисс – гордый, самовлюбленный персонаж, любующийся своей внешней красотой, то Чичибабин вкладывает иной смысл в легенду: “Зовут, чтоб мы, как некогда Нарцисс, в свою – сквозь плоть – божественность взглянулись” [6, 292]. Взгляд должен быть настолько пристальным, чтобы можно было за внешней оболочкой увидеть внутреннее содержание, увидеть в себе “образ Бога”.

Поэт продолжает противопоставление тополей и человека, и сравнение не в пользу людей. Люди “похожи на волчат”, у них “доброта случайна и мгновенна”, им “свойствен шум”, они “делами злы и разумом убоги”, а величие тополей в их молчании, которое само по себе “полным-полно значенья и звучанья”. Люди тоже могут молчать, но “мы и молчим о судьбах государств, а тополя – о Вечности и Боге”.

Неустанно ищет поэт ответы на поставленные вопросы и находит ценность для души “в траве, луне, тополе”. Эти символы у Чичибабина – атрибуты Вечности. В непритязательной красоте – их величие и мощь. Определив их сущность, душа сама поднимается до таких высот. И поэт приходит к простому и великому в своей простоте выводу – смысл жизни в очищении и спасении души. “Воспаленный и злой мир” нужно менять, но изменения необходимо начинать с себя самого. И для этого не нужны громкие лозунги и призывы – это труд души, каждодневный, ежечасный, в тишине и молчании: “Галдят пророки – но молчит Господь, и – внутрь себя – тиха улыбка Вишны [6, 293].

Постепенно мысли, рождающиеся в стихах, стали для поэта убеждениями. Стихотворение “Я на землю упал с неведомой звезды”(1980) написано в канун дня рождения поэта. Этот день – 9 января – всего на один день отделяет его рождение от Рождества Христова. В поэзии Чичибабина мотив Рождества, образ Христа встречаются очень часто, и нередко поэт отождествляет лирического героя своих произведений и образ Спасителя, особенно, если это касается поэтического дара – “Всяк день казним Иисус. И брат ему Поэт”, и так же близок ему образ рождественской звезды. Если в предыдущем стихотворении поэт на вопрос: “Что значит – жизнь и что за слово – смерть?” – предлагает путь поиска ответа, то спустя два года на вопрос: “Как жить мне на земле ни с чем земным не споря?” – поэт уже знает ответ и произносит его предельно лаконично: “Да будут сны мои младенчески чисты, // и не предам вовек рождественской звезды, // откуда я упал на землю зла и горя [6, 298].

Но самыми яркими и светлыми стихотворениями, наполненными духовным озарением, стали “Коктебельская ода” (1984) и “Ежевечерне я в своей молитве” (1984), написанные в волошинских местах, что имеет определенное значение. Оба они запечатлели духовное откровение, снизошедшее на поэта в этом месте и в это время – “Ежевечерне я в своей молитве вверяю Богу душу” [6, 323], “Никогда я Богу не молился так легко, так полно, как теперь” [6, 324]. Поэт принял величайшее духовное откровение – “Все вглубь и ввысь! А не дойду до цели – на то и жизнь, на то и воля Божья”. Это не просто смирение, это восторг души, принявшей свое родство со Всевышним, свое бессмертие в Вечности. Жизнь дается человеку, чтобы он исполнил

волю Бога, и человек обязан исполнить свой долг. Но и долг, и жизнь даны ему Господом Богом, и только Он может ими распорядиться. Задача человека – услышать эту волю. Поэт услышал ее в Коктебельской бухте, и в нем родилась молитва.

Боже мой Любви и Воскрешенья,
Боже Света, Боже Тишины!
Как Тебя люблю я в Коктебеле,
как легко дышать моей любви, –
Боже мой, таймый с колыбели,
на земле покинутый людьми!
Но земля кончается у моря,
и на ней, ликуя и любя,
глуби вод и выси неба вторя,
бесконечно верую в Тебя [6, 325].

В этой молитве отразился весь жизненный путь поэта от младенчества до зрелости, путь души, ищущей истины и нашедшей ее. Именно в Коктебеле, благословенном месте, излучающим духовные эманации, поэт постиг бессмертие своей души – “и что я воистину бессмертен, знаю всеми органами чувств. Это точно, это несомненно, это просто выношено в срок” [6, 325]. Он смог очистить свою душу и на нее излился Божественный Свет, открывший ему высшие истины.

С ними поэт шел по жизни, в них находил силы и утешение, ими делился с окружающими. Но мало кто его слышал, и это вызывало у него чувство боли и “вселенской тоски” за людей, погрязших в “своеволии”, не слышащих волю Бога. Одно из последних стихотворений Чичибабина, где встречается образ Бога и мотив спасения души – “Взрослым так и не став...”(1992). Поэт с грустью констатирует: “С той поры, как живу на земле неодожденной, я на ней прохожу одиночную школу любви” [6, 409]. Люди не принимают Любовь, не принимают Бога, а поэт мечтает: “Кабы каждый из нас был подобьем и образом Божьим”. И тут же сокрушается: “Если было бы так! Но какие ж мы Божьи подобья? То ли Он подменен, то ль и думать о нем не хотим”. К сожалению, и “Он” был подменен, и “думать о нем не хотели”. Поэт сознается, что и сам не всегда был послушным учеником в “школе Отца”, но все же смог пройти в ней “обучение”, а это дает надежду на то, что и другие смогут. Пусть не все вместе и не все сразу, но каждый отдельный человек, услышав волю Бога, сможет очистить себя и этим принести миру спасение. И поэт завершает стихотворение тоном смиренным, но полным уверенности в истинности того открытия, к которому он пришел, и щедро делится им с людьми.

Вижу Божию высь. Там живут Иисус и ягненок.

Дай мне помощь и свет, всемогущая школа любви [6, 409].

Анализируя путь духовных исканий поэта, следует обратить внимание еще на два стихотворения – “Белые кувшинки”(1961) и “Ода одуванчику”(1992). Между моментами их написания прошло более тридцати лет. Это время для поэта – период духовного становления и совершенствования, поиска и постижения истины. А стихи, к которым мы обратимся, можно представить как начальное и завершающее звенья в цепи духовных поисков поэта Б. Чичибабина. Интересны они как с содержательной стороны, так и с точки зрения использования оригинальных пространственно-временных образов и символов.

Стихотворение “Белые кувшинки”(1961) писалось человеком, имевшим уже вполне сформировавшееся мировидение. Почему именно к образу белых кувшинок обращается поэт? Только ли чисто внешнее проявление чудесной красоты вызвало у поэта к жизни стихотворные строчки? Поэзия Бориса Чичибабина легко впитывала христианскую и буддийскую символику, элементы эзотеризма. Известно, что белая водяная лилия относится к семейству кувшинковых так же, как и индийский лотос. Лотос в Индии – древний символ с глубоким философским смыслом. Этот цветок, посвященный природе и ее богам, изображает Абсолютную и Конкретную Вселенную и является эмблемой производительных сил как духовной, так и физической природы. У индусов – это Дух Огня и Тепла, побуждающий к деятельности, оплодотворяющий и развивающий в конкретную форму по своему идеальному прообразу все, что рождается из Воды или Первоначальной Земли. Это связь четырех стихий – Земли, Воды, Огня, Воздуха. С древнейших времен этот цветок считался священным у арийцев, индусов, египтян, буддистов, почитался в Китае и Японии и был принят как христианская эмблема греческою и римскою церковью, которая, заменив его лилией, сделала символом Вестника. В христианской религии в каждом изображении Благовещения Архангел Гавриил является Деве Марии с лилией в руке. Лотос олицетворял огонь и воду, идею созидания и зарождения, потому и лилия, заменившая его, символизирует ту же идею, что и лотос в руке Бодхисатвы.

Основной смысл этого символа указывает на явное родство всех религиозных систем. Лотос, или Водяная Лилия, выражают одну и ту же философскую мысль, а именно: эманацию объективного из субъективного, Божественное представление, переходящее из абстрактного в

конкретную или видимую форму.

В стихотворении поэт отражает путь пробуждения человеческой души. Лилия, как и лотос, согласно эзотерической философии, – символ зарождающейся жизни. Исходя из этой философии, задача человека на его жизненном пути – дать возможность пробудиться своей душе, открыть в себе свое “высшее Я”. Этот путь труден; из тьмы страстей душа должна пробиться к Божественному свету. Лилии в стихотворении его преодолевают. Они, как и душа человека, поднимаются над миром темных страстей, пронизанным холодом, внутрь которого через “ряску” не может проникнуть свет. Они поднимаются для того, чтобы выполнить свое предназначение – раскрыться для связи с Высшим миром. Лилия стала “белой пиалой”, из которой “пьют звезды”. Осуществляется связь стихий – “И звезды пьют из белой пиалы” [6, 63].

В этом и заключается смысл всего стихотворения. Поэт изображает путь духовного становления. Каждый человек имеет в себе “образ Божий”, то есть свою внутреннюю Божественную Сущность. Душа человека знает об этом и на протяжении всей жизни старается дать возможность раскрыться этой Сущности. Если это происходит – устанавливается связь человека с Высшим, Божественным миром, человек открывает в себе Бога.

Этот путь проходил в жизни и сам поэт. И если в 1961 году он еще в начале пути, то в 1992 году в “Оде одуванчику” уже подводит итоги. В три десятилетия вместились и разочарование в хрущевской “оттепели”, и вынужденное молчание в годы “застоя”, и трагедия личной жизни, и счастье разделенной любви, и поиски Бога, и, наконец, заслуженное признание и слава поэта, выход к широкой публике.

Если в “Белых кувшинках” лирический герой еще только осознает направление своего духовного развития, то в “Оде одуванчику” он предстает перед читателем мудрецом, познавшим истину, но истину эту не декларирующим, а живущим ею. Она одна и дает возможность выжить в мире жестокости, зла, насилия и несправедливости.

По мнению Чичибабина, только осознав свою причастность к Вечности, приняв ее законы, выстроив себя по образу и подобию Божьему, можно жить в этом мире. И только в таком состоянии человек имеет определенную значимость. Поэт не случайно использует определения “золотой и серебряный” как привычные обозначения ценностей. Желтый и белый – это еще и цветовая символика, связанная с образом Христа.

Я ложусь на бессонный диванчик,
слышу сговор звезды со звездой,
и живу, как живет одуванчик,
то серебряный, то золотой [6, 393].

Поэт определил свое место в мире, пришел к постижению истины. Путь, которым он шел к ней – в его стихах. Таким образом, к какой бы теме ни прикасался Чичибабин-поэт, он решает, как мы полагаем, три главных проблемы. Во-первых, это любовь в ее широком, общечеловеческом, христианском значении, где любовь есть начало всех начал, Любовь-Бог, Любовь-Свет, которым освещена жизнь вообще, и любовь – жизнеутверждающая сила, основа отношений между людьми в целом, и между мужчиной и женщиной в частности, что является изначальной силой, рождающей жизненный импульс. Во-вторых, это творчество как дар Божий, посланный человеку. Такой дар возможен при наличии внутренней свободы и ответственности за совершаемый человеком выбор и последствия его. И, в-третьих, это следствие творческого акта Бога и человека – история, реальная действительность, – за результат которого ответственен творец, то есть человек, являющийся одновременно и сотворцом, и орудием творения истории. В зависимости от того, утверждает Чичибабин, насколько человеком воспринята и воплощена Божья воля, он несет на себе бремя ответственности и вины за нарушение этой воли, искажение замыслов Творца. И, исповедуя чувство вины, человек приходит к покаянию, возвращается к изначальному замыслу, к Божьей воле, к Богу.

Бог не является отдельным образом в художественном мире Чичибабина, но в каждом из стихотворений поэта ощущается Его незримое присутствие. Бог для писателя – это высокий нравственный идеал и критерий оценки современности, это то, что живет в душе и к чему надо постоянно стремиться, это основа мировосприятия художника. Чичибабин ставит Бога в центр своей поэтической системы, что позволяет ему вести разговор о проблемах человеческого существования с точки зрения непреходящих ценностей.

Таким образом, в творчестве Бориса Чичибабина (в стихотворениях, статьях, интервью, письмах, выступлениях), всегда тяготевшего к осмыслению вопросов высшего философского порядка – свободы и насилия, жизни и смерти, любви и ненависти, смысла жизни, божественного предназначения, сущности искусства и др., сформировалась целостная философская концепция, представляющая его понимание современного мира и места человека в нем. На формирование концепции поэта повлияли идеи различных мыслителей прошлого (Н.Бердяева, Г.Сковороды, В.Соловьева, Л.Толстого и др.), общение с Г.Померанцем и З.Миркиной, а также глубокое

изучение писателем различных философских систем и религий. Мысли, высказанные художником по поводу тех или иных бытийных проблем и звучащие как в его поэтическом, так и прозаическом наследии, отличаются необычайной глубиной и единством подхода автора к миру и человеку. Это единство определяется прежде всего присутствием Бога в его художественной системе, который является идейным стержнем созданной им картины мира и дающий ей своеобразное “духовно-нравственное освещение”. Поэзия Б.Чичибабина по своей сути глубоко религиозна. Писатель, впитавший основы христианского учения и не чуждый другим религиям, утверждал необходимость возвращения человека к божественным истинам, а свою поэзию рассматривал как разговор о Главном – о Боге и отношениях с Ним.

Список использованных источников

1. Материалы Чичибабинских чтений (1995-1999). – Х.: Фолио, 1999. – 104 с.
2. Миркина З. Истина и ее двойники / З. Миркина. – М.: Протестант, 1993. – 96 с.
3. Миркина З. Памяти Бориса Чичибабина / З. Миркина // Дружба народов. – 1998. – №2. – С. 191–194.
4. Фризман Л.Г., Ходос А.Э. Борис Чичибабин. Жизнь и поэзия / Л.Г. Фризман, А.Э.Ходос / Харьк. гос. пед. ун-т им.Г.С.Сковороды. – Харьков: Консум, 1999. – 128 с.
5. Чичибабин Б.А. В статьях и воспоминаниях /Сост.: М.И.Богославский и др. – Х.:Фолио, 1998. – 463 с.
6. Чичибабин Б.А. В стихах и прозе / Б.А. Чичибабин. – Х.: Фолио, 1998. – 469 с.
7. Чичибабин Б.А. Мои шестидесятые: Стихотворения / Б.А. Чичибабин. – К.: Дніпро, 1990. – 278 с.
8. Чичибабин Б.А. Поверьте мне, пожалуйста /Беседу вела Т.Бек.// Вопросы литературы. – 1994. – Выпуск IV. – С.188–213.

Summary. The spiritual origins of B.Chichibabin's lyrics have been traced in the paper. The influence of various philosophical and religious systems on the poet's picture of the world has been determined.

Key words: picture of the world, image of God, motif, philosophical opinions, religious beliefs.

УДК 821.161.2-31:821.161.1.-31].091

І. А. Пантелей

ПРОБЛЕМА СОЦІАЛЬНОГО ФАКТОРА ДЛЯ РОЗВИТКУ ТВОРЧИХ ЛЮДЕЙ (ЗА ПОВІСТЯМИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА “МУЗЫКАНТ” ТА О. ГЕРЦЕНА “СОРОКА-ВОРОВКА”)

У статті аналізується проблема кріпосної інтелігенції в Україні та Росії; досліджуються шляхи виникнення даної проблеми та висвітлення її у художній літературі XIX століття.

Ключові слова: кріпак, інтелігент, трагедія, творчість.

В Україні, як і в Росії виділялась одна верства населення – кріпосна інтелігенція, до складу якої входили актори, співаки, музиканти, художники, життя яких повністю залежало від панських примх і часто закінчувалось трагічно. Лише окремим із талановитих підневільних вдавалося звільнитися з кріпосницької залежності і зайняти самостійне місце у мистецтві і житті.

Тема талановитого кріпака знайшла широке відображення у художній літературі. Вперше її порушив О. Радищев у “Путешествии из Петербурга в Москву”. Ця тема пізніше була у центрі багатьох російських письменників першої половини XIX ст. У різних варіаціях їх висвітлювали В. Белінський “Дмитрий Калинин”, О. Герцен “Сорока-воровка”, Л. Тимофеев “Художник”, М. Лесков “Тупейный художник”, М. Павлов “Именины”. Основна ідея полягала у викритті феодально-кріпосницького суспільства як основного гальма у розвитку народних талантів.

Кріпак, який одержав освіту, залишається нещасною людиною, бо його фізичні й розумові можливості поміщик використовував для власних вигод, принижуючи цим людську гідність. Освіта і кріпацтво несумісні.

Центральна постать повісті “Музыкант” – Тарас Федорович, образ якого розкривається в авторській розповіді, у листах і спогадах про нього. Це сирота-кріпак, талановитий музика-